

Табунщикова Людмила Викторовна, Шадринна Алла Валерьевна

АНТИЦЕРКОВНЫЕ АКЦИИ 1923 ГОДА В ДОНСКОМ РЕГИОНЕ

Статья раскрывает содержание антицерковных акций, проводимых большевиками в борьбе с Церковью, и показывает их специфику в 1923 году, который знаменовал новый этап в этой борьбе. Основное внимание авторы акцентируют на усилиях власти по борьбе с религиозными праздниками - устройстве антирелигиозных карнавалов, шествий и театрализованных представлений, на отмене воскресенья как выходного дня. Авторы, опираясь на широкий круг архивных источников, раскрывают особенности проведения данной политики в донском регионе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 199-204. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья раскрывает содержание антицерковных акций, проводимых большевиками в борьбе с Церковью, и показывает их специфику в 1923 году, который знаменовал новый этап в этой борьбе. Основное внимание авторы акцентируют на усилиях власти по борьбе с религиозными праздниками – устройстве антирелигиозных карнавалов, шествий и театрализованных представлений, на отмене воскресенья как выходного дня. Авторы, опираясь на широкий круг архивных источников, раскрывают особенности проведения данной политики в донском регионе.

Ключевые слова и фразы: Церковь; антирелигиозная пропаганда; антирождественская кампания; религиозные праздники; отмена воскресенья как выходного дня; карнавальные шествия; сжигание икон.

Людмила Викторовна Табунщикова, к.и.н.

Алла Валерьевна Шадрина

Кафедра отечественной истории

Педагогический институт ЮФУ (Южного федерального университета)

luta19776@mail.ru; bergson@yandex.ru

АНТИЦЕРКОВНЫЕ АКЦИИ 1923 ГОДА В ДОНСКОМ РЕГИОНЕ[©]

«Что касается утверждения, что процесс отделения церкви от государства завершён, то это, пожалуй, и так; церковь от государства мы уже отделили, но религию от людей мы ещё не отделили».
В. И. Ленин, 5 декабря 1922 г. [2, с. 158]

В церковной истории Донского региона 1923 год стоит особняком. Если до этого времени советская власть пыталась бороться с Русской Православной Церковью как с административной структурой, то с 1923 года началась борьба с религией и религиозностью населения. «Платформой» для развертывания борьбы стали итоги прошедшей в 1922 году кампании изъятия церковных ценностей. Эта акция с очевидностью показала, что Русская Православная Церковь была не готова ответить на антицерковную политику государства. Несмотря на неоднозначно высказанную позицию патриарха Тихона (Белавина) по поводу изъятия, духовенство выказало растерянность, когда оно касалось их церквей, а инициатива некоторых священников, попытавшихся спрятать священные сосуды от осквернения, дала «базу» для огульных обвинений и развертывания антицерковной пропаганды.

В Донском регионе 1923 год стал годом настоящей атаки на религию, главным образом в лице Русской Православной Церкви. Можно сказать, что пока храмы продолжали жить своей внутренней, теперь уже только богослужебной жизнью, вокруг церковной ограды начался невиданный доселе разгул – комсомольские рождество, святки и пасха, антицерковные карнавалы и спектакли, обильное чтение лекций о ненужности религии, о месте Церкви в советской республике, закрытие церквей и их переоборудование в клубы.

В настоящей статье мы попытались обобщить фактические данные ранее не публиковавшихся архивных документов, отложившихся в Государственном архиве Ростовской области, Центре документации новейшей истории Ростовской области. При работе с фондами стало очевидно, что наиболее полную картину происходивших в 1923 году событий, связанных с антицерковными событиями, дают документы Шахтинского и Таганрогского округов – тех районов, которые с 1920 по 1924 год входили в состав Украины. Однако мы сочли необходимым рассмотреть эти округа как часть Донского региона, поскольку за исключением указанных четырех лет они входили в состав донских земель.

Акции против церковных праздников

Антирождественская кампания. 1923 год был, пожалуй, самым показательным в отношении развернувшейся кампании против церковных праздников. В конце декабря 1922 года всем волкомам и ячейкам коммунистической партии был разослан циркуляр следующего содержания: «Комсомолом в дни религиозных праздников Рождества проводится кампания Комсомольских святок, носящих характер, с одной стороны, антирелигиозных, с другой стороны, [ставить] себе задачу отвлечь членов КСМ и беспартийную молодежь от непосредственного участия в религиозных обрядах, и всегда [сопутствующие] таким празднествам пьянство, вечеринки, кутежи и т.д. Эта кампания, требующая приложения максимума усилий со стороны организации КСМУ. Но эта кампания не может дать соответствующие результаты, если не будет непосредственного руководства со стороны партийных организаций, важность проведения Комсомольских святок обусловливается необходимостью наглядно выявить нерелигиозность пролетарского юношества, находящегося [как] в рядах КСМ так и вне его, демонстрируя это перед религиозно настроенной толпой» [14, д. 7, л. 8].

Помимо декларации цели проведения антирелигиозных «торжеств», документ оговаривал основные принципы проведения этих мероприятий:

«1. Ни в коем случае не допускать обострения на религиозной почве между демонстрантами и религиозной толпой, и при открытом выявлении таких случаев стараться это уладить соответствующими мероприятиями.

2. Во время проведения пропагандистской работы КСМ необходимо всю эту работу, как-то – доклады, лекции, выступления на шествиях, взять под непосредственное руководство парторганизации, выделяя соответствующих политически развитых членов партии, могущих проводить данную работу.

3. Оказывать всемерные содействия организациям КСМ в отношении материальной поддержки, как то: предоставления таковым клубов, театров и т.д. для проведения данной работы...» [Там же].

Уже в январе в планах работы шахтинского агитпропа – органа, ответственного за проведение всех видов пропаганды, в том числе и антицерковной, значилось: «Создать при Агитпропе комиссию антирелигиозной пропаганды. На селе проводить популярные доклады о церковном расколе с разоблачением различных направлений, а также проводить лекции по естествознанию» [Там же, д. 40, л. 1]. Но вначале агитпроп и руководящие партийные органы занялись проведением комсомольского рождества на всех рудниках Шахтинского уезда. Так, на руднике «Октябрьская революция» в праздничные рождественские дни были проведены митинг и торжественная демонстрация. Как писали в отчете ответственные лица, «участие в празднестве не только широкой массы рабочей молодежи, но и взрослых рабочих наглядно показало, что цель праздника достигнута, антирелигиозная пропаганда нашла свое применение в массах рабочих». В заключение праздника «Комсомольское Рождество» был поставлен инсценированный антирелигиозный политсуд «над неверующим в Бога подростком» [Там же, д. 39, л. 107 об.].

Руководство Ленинского райпаркома вовремя не получило инструкций по проведению комсомольского рождества [Там же, л. 59], но это не помешало проведению антирелигиозной акции. Как писалось в отчете, вначале в рудничной ячейке КСМ состоялось объединенное собрание членов РКП и КСМ, на котором был «широко» разъяснен вопрос «о значении того и другого рождества». После собрания состоялся митинг на тему «О значении религии» и «Тормоз революции», на котором было выставлено два докладчика и содокладчик. После митинга был проведен спектакль – постановки пьес «Красный генерал» и «Проклятые треном». По окончании состоялось факельное шествие по колонии рудника с песнями революции [Там же, л. 59 – 59 об.]. Тот же сценарий, за исключением спектакля, был реализован на хуторе Литвинова. Там факельное шествие длилось до 4-х утра. Как писалось в отчете, «на хуторе примкнула громадная толпа детей и взрослых к демонстрантам. Последним отмечается, что хотя особой организационной важности не было за отсутствием подготовки, но конфликтов нигде не было» [Там же]. На руднике «Мировая Коммуна» помимо комсомольского рождества в январе 1923 года «устраивались при содействии ячейки комсомольские святки и политсуд над неверующим комсомолом» [Там же, л. 89].

Антикрещенская кампания. Успешное проведение «комсомольского Рождества» стимулировало партийные органы к организации и других антицерковных акций. Сразу после рождественской кампании на заседании бюро Шахтинского укома от 2 января 1923 года был поставлен вопрос о необходимости проведения кампании за отмену празднования Крещения Господня [Там же, д. 27, л. 3]. Шахтинский окружком в феврале 1923 года отчитывался: «Были проведены летучие митинги, на которых выносились резолюции, что рабочие считают 19 января рабочим днём. Было собрано 300 подписей, а также большое количество принимало резолюцию без подписей. 18-го января было проведено общее собрание, на котором присутствовало 682 чел. Постановили единогласно 19 января работать, и работало 80% всех рабочих» [Там же, д. 39, л. 102].

Антипасхальная кампания. Поскольку со стороны духовенства Русской Православной Церкви последовала реакция на проведение комсомольского Рождества, в преддверии Пасхи 1923 года ЦК РКП(б) был вынужден принять инструкцию «Об антирелигиозной кампании во время пасхи», где предписывалось «перенести центр тяжести на научное объяснение происхождения религиозных праздников» [6, с. 86]. Именно для этого готовились к печати брошюры Е. Ярославского «Как живут и умирают боги и богини», «Библия для верующих и неверующих» [4, с. 173].

Однако опыт комсомольского Рождества настолько понравился местным партийным органам, что они провели комсомольскую Пасху с еще большим размахом, чем Рождество, невзирая на то, что на заседании Центральной комиссии по проведению «Комсомольской Пасхи» от 19 февраля 1923 года давались следующие указания губкомам: «Опыт проведения “Комсомольского Рождества” в целом – удачный и успешный, вызвал необходимость придать нашей очередной антирелигиозной кампании к пасхе менее поверхностный и более углублённый пропагандистский характер... Поэтому ЦК категорически запрещает устройство каких бы то ни было уличных демонстраций и карнавалов и предлагает сосредоточить кампанию исключительно в стенах клубов и предприятий» [Там же, с. 179].

Запрет ЦК остался невыполненным. В Шахтинском уезде пасхальные торжества в комсомольском исполнении проводились с особым размахом. Еще 26 марта 1923 года Бюро Шахтинского окркома КПУ утвердило план проведения этой акции, который был разослан по райпаркомам, и были даны директивы об обязательном проведении антирелигиозного праздника в детских домах [14, д. 27, л. 35]. 27 марта 1923 года на заседании членов бюро объединенной комячейки при упродкоме тов. Бойчиенко красочно обрисовал цель проведения комсомольской пасхи: «Цель этого празднества – борьба с богами и поповщиной, раскрепощение рабочих и крестьянских масс от религиозных предрассудков, привитых им попами и держащих их в духовном рабстве» [Там же, д. 38, л. 29]. Составляя план работы Шахтинского агитпропа на февраль-март месяцы 1923 года, члены агитпропа с большим удовлетворением отмечали: «Перспективы в области организации Комсомольской Пасхи и, в частности, карнавала очень радужные, так как удалось изыскать достаточное количество средств (Шахтинский окрком КПУ предложил Окружному исполкому выдать 1000 руб. для проведения Комсомольской Пасхи [Там же, л. 9], мобилизовано 20 уездработников, вся Усовпартшкола и рабочая часть Профтехшколы» [Там же, д. 40, л. 14].

К Пасхе 1923 года подготовительные работы были завершены, и происходило следующее: «Комсомольская пасха началась 1 апреля и прошла по всему округу с большим подъемом. В нее были втянуты все профорганизации и парторганы. Руководство этой кампанией взял на себя Агитпроп. 1, 5, 7, 8, 9 и 10 апреля на всех рудниках состоялись митинги по следующим темам: “Церковь и Советская Республика”, “Происхождение религии и веры в Бога”, “Происхождение праздника Пасхи и миф о непорочном зачатии”, “Возникновение христианства”, “Нужна ли рабочему классу вера” и суд над неверующим подростком. 7 апреля вечером состоялась демонстрация, 5 и 8 днем по всем детдомам и в домах рабочих подростков были проведены беседы на антирелигиозные темы» [Там же, л. 18].

На руднике «Октябрьской революции» было прочитано три лекции и поставлено театрализованное представление «Суд над Иисусом», прошедшее «с большим успехом» [Там же, д. 39, л. 109]. Особенным колоритом отличается описание пасхальных событий, происшедших на шахте № 2 «Пролетарской Диктатуры»: «Кампания подготовки и проведения Комсомольской Пасхи также прошла оживленно. Предварительно эта работа несколько раз ставилась на обсуждение Бюро и партсобраний, после чего 1 апреля было общее собрание рабочих, где присутствовало до 700 человек, была прочитана лекция “Церковь в Советской Республике”. Рабочие отнеслись к этой лекции оживленно, выступал ряд рабочих с воспоминаниями о раскрытии мощей¹ и вообще клеймили и громили религию всех культов. После чего была принята резолюция: “Мы, рабочие, отказываемся и не признаем никаких религий, вместо церкви нам нужны школы и т.п. ...”. Вообще лекция прошла оживленно, выступало 12 человек рабочих с мест против Церкви. 5 апреля на общем собрании рабочих в клубе также состоялся доклад “О происхождении религии” и “Вера в Бога”, на котором присутствовали до 1000 человек, вообще клуб был переполнен... после доклада была поставлена пьеса “Небесная Механика”. В этой пьесе была сосредоточена вся работа на происхождении религии, аудитория была настолько углублена в пьесу, что показала себя своим поведением, а именно, рабочих было так много, что клуб был переполнен как никогда, и когда проходила пьеса, была абсолютная тишина, как бы весь зал вымер, пьеса была поставлена удачно, как по содержанию, также технически обставлена так, что рабочие, даже не веря, что могло так просто демонстрироваться на сцене... 7 вечером уже было все готово для карнавала Комсомольской Пасхи, перед отходом в город в клубе уже показывались как на сцене, а также и в клубе, загримированные и в полном облачении как попы и черти, уже публика смеялась как поп с чертом христосываются (целуются), а также были всевозможные лозунги и нарисованные плакаты... и ровно в 10 часов тронулись в город для общего карнавала. Впереди шел оркестр, ряд факелов, потом черти везли хоронить попа, лежащего в гробу, и ряд других живых картинок. В эту кампанию было вовлечено много беспартийных рабочих, которые также участвовали в карнавале, и 11 часов на площади сошлись все демонстранты со всех рудников, где проводили всю работу под руководством уездной комиссии. 9 апреля проходил доклад “Нужна ли рабочему классу религия”, и после митинга был поставлен спектакль “Рождение попа”. 10 апреля также был поставлен политсуд над неверующим подростком и маленькое концертное декламационное отделение» [Там же, д. 40, л. 36-39]. Доклад Ленинского райпаркома Шахтинского округа о работе за апрель 1923 года гласил: «По проведению Комсомольской пасхи, комиссия выполнила свою работу (применительно к местным условиям) блестяще» [Там же, д. 39, л. 69].

Нужно сказать, что не во всех округах Донской области проводились столь пышные торжества по поводу комсомольской Пасхи. Так, в Сальском округе (центр – станица Великокняжеская, ныне г. Пролетарск) на заседании бюро Салокрпарткома от 30 марта 1923 года было решено провести Пасху «в закрытых помещениях путём докладов, антирелигиозных пьес, декламаций и пением частушек» [Там же, д. 21, л. 7 об.]. В Сулинском райкоме партии также было решено в четверг прочесть лекцию на тему «Происхождение человека» и провести вечер молодёжи; в пятницу прочесть лекцию «Происхождение религии и веры в Бога», провести вечер молодёжи; в субботу прочесть лекцию «Происхождение Пасхи (миф о Христе)» и провести вечер молодёжи, а в воскресенье завершить празднества спектаклем «Пасха и 1-ое Мая» [Там же, д. 62, л. 3]. О проведении антицерковных акций в 1923 году молчат документы «казачьих» округов – 1 Донского, 2 Донского, Верхне-Донского и даже Черкасского и др. Можно предположить, что напряженная политическая обстановка в этих округах и неприязнь казачества удержала местные райкомы от устройства столь бурных «торжеств».

Вскоре после проведения Пасхи 1923 года местные партийные руководители обнаружили, что грубые агитационные действия в ряде случаев приводили к обратному результату. Анализируя ситуацию, председатель Шахтинского комитета партии писал: «Комсомольская пасха сыграла роль для рабочих слоёв большой сдвиг в смысле антирелигиозности [так в документе], а для мещанства и издыхающей буржуазии Каменской она как бы влила религиозный фанатизм, взбудораживший её, на что она оцетинилась до зубов. Замечается активность со стороны духовенства в смысле будирования среди верующих за религию. В данный период поднимается вопрос духовенством среди верующих за обязательное хождение с иконами по освящению колодцев, по полям с молебнами о дожде, на что им даны отрицательные ответы как со стороны парткома, так и со стороны Г.П.У. ...В общем создалось такое впечатление, что якобы комсомольская пасха подняла их на ногу в смысле того, что религиозные чувства даже среди буржуазии были как бы притушены, но с наличием

¹ Из обилия изученных нами документальных источников, здесь встречается единственное упоминание об участии рабочих донского региона во вскрытии мощей святых. Можно предположить, что все-таки на Дону факты осквернения мощей были, но подробности этих процессов и церкви, в которых они происходили, увы, не сохранились ни в архивных источниках, ни в периодике.

комсомольской пасхи священники ведут агитацию просто хотя бы исполнялись верующими шаблонные посещения церкви, чтобы приподнять престиж религии» [Там же, д. 39, л. 30 об].

Неожиданно местные партийные организации выявили для себя скрываемую религиозность среди того контингента, на который они делали ставку в антирелигиозной борьбе. В докладе секретаря Каменского райпаркома Павленко о работе высших педагогических курсов говорилось: «По личному моему (*секретаря Павленко – авт.*) мнению, если курсы остаются как таковые, то и на будущее все же при таком составе учащихся их держать нельзя, так как больше половины оставшихся по чистке курсантов всё же к числу религиозных фанатиков [так в документе], за что их хоть сейчас исключат оттуда. Религиозный фанатизм проявлен ими в дни комсомольской пасхи, вот это уже одно говорит о том, что необходимо на курсы при дальнейшем их сохранении стянуть всю пролетарскую молодёжь округа и опролетаризировать до костей всю и здесь ещё имеющуюся мещанскую публику» [Там же, л. 29].

Иными словами, рекомендации партийных органов к проведению агиткампаний 1924 года «стремиться к пересмотру от ударности и митинговщины к строгой и систематической плановой пропагандистской работе...» [12, д. 30, л. 50] были вполне обоснованы. В том же 1924 году Таганрогский окружной комитет РКП(б), планируя пасхальную антирелигиозную кампанию, однозначно постановил: «Не допускать никаких демонстраций, шествий и диспутов. Вся работа должна проходить спокойно, планомерно, продуманно и углублённо...» [13, д. 148, л. 9]. Действительно, начиная с 1925 года антипасхальные «действия» перешли в клубы: «Ввиду потребности в собирании и изучении опыта по проведению антирелигиозных кампаний, Методкабинетом ДПП совместно с культотделом КПСС намечается организация клубной выставки, отражающей проведение в клубах пасхальных антирелигиозных кампаний» [1, д. 1069, л. 11].

Интересно отметить, что помимо православных праздников, были проведены антирелигиозные кампании среди татар в связи с наступлениями татарской пасхи и выборами на Губернский съезд татар [14, д. 40, л. 20].

Троица и Преображение. За пределами внимания партийных деятелей не остались и другие православные праздники. Так, шахтинский агитпроп организовал большую антирелигиозную кампанию на Троицу. 26-27-28 мая были устроены митинги со следующими докладами: «Происхождение праздника Троица», «Создал ли Бог человека или человек Бога», «Наука и религия». Была выработана программа занятий и рекомендательный список литературы для кружков по антирелигиозной пропаганде [Там же].

Борьба с иконами и исключения из партии. После показательного проведения комсомольского рождества «всевидящее партийное око» заглянуло в личное пространство вначале своих адептов: начались исключения из партии за совершение религиозных обрядов [Там же, д. 27, л. 20.]. В 1919 году Ленин, в ответ на письмо под заголовком «Дань предрассудкам», адресованное в Оргбюро ЦК РКП(б), в котором Е. М. Ярославский запрашивал членов Оргбюро, возможно ли оставление в партии лиц, участвующих в религиозных обрядах, отвечал: «Я за исключение из партии участвующих в обрядах» [3, с. 327]. Низовые партийные организации действовали строго в соответствии с разъяснениями лидера партии. Так, постановлением шахтинского укома 14 февраля 1923 года из партии «как негодный элемент» был исключен тов. Шишкорешко, обвиняемый в исполнении религиозных обрядов [14, д. 27, л. 20]. Черкасский окружной комитет ещё в 1920 признавал, что «гнусная институция и провокация попов об “обновлении икон” начинает проникать и в ряды наших окружных ячеек». Этот же комитет одобрил действия ячеек Россоши и Хомутовской, «выбросивших из своих рядов этот элемент и предавший их партийному суду...» [15, д. 1, л. 8].

Партийные органы не ограничились исключениями из партии. Антирелигиозная борьба в 1923 году была перенесена на уровень семьи. Информационная отчётность Кусткома № 1 Шахтинского округа за декабрь 1923 года свидетельствует: «По вопросу быта в парторганизации отдельными партийцами ведётся борьба с религиозными предрассудками своих жён, среди беспартийных рабочих новый быт начинает вытеснять старые предрассудки, как-то: случаи общественных крестин» [14, д. 39, л. 85].

Потом началась борьба с иконами. 14 февраля 1923 года на заседании бюро Шахтинского укома КПУ тов. Жуковским была озвучена «проблема»: «Интенсивность антирелигиозной пропаганды ослабляется тем, что у многих коммунистов на квартирах до сего времени сохраняются иконы. По примеру Несветаевского куста, вынесшего постановление об обязательном (в недельный срок) вынесении икон из квартир коммунистов, следует дать директиву на места» [Там же, д. 27, л. 21]. Чуть позже «борьба с иконами» вошла в план работы Шахтинского агитпропа на февраль-март месяцы 1923 года: «Антирелигиозная кампания в марте непрерывно продолжается в следующих направлениях: а) продолжается вынесение икон из квартир коммунистов, б) проводится кампания за отмену дня отдыха в воскресенье и перенесение его на любой другой день недели, в) интенсивно идет подготовка к Комсомольской Пасхе, г) готовится материал по организации антирелигиозных кружков» [Там же, д. 40, л. 14].

Возвращаясь к объявленной войне иконам, нужно сказать, что в марте 1923 года Бюро Шахтинского округа КПУ приняло постановление: «Обязать Сулиновский райпарком сжечь снесенные иконы в присутствии рабочих на заводе в ближайшие дни, не дожидаясь пасхальных праздников» [Там же, д. 27, л. 32]. Но далеко не все коммунисты поторопились избавиться от святых образов. В апреле 1923 года на общегородском собрании Шахтинской организации КПУ, на котором присутствовало 115 человек, председатель собрания Жуковский вновь говорил о том, что «при освещении жизни производственных ячеек выяснилось, что активности в деле борьбы с религиозными предрассудками мешают обстоятельства, что до сих пор у коммунистов на квартирах сохранились иконы». И собрание снова постановило «в недельный срок освободить квартиры коммунистов от икон» [Там же, д. 31, л. 6].

Примерно в том же направлении развивались события в Таганрогском округе. На общем собрании рабочих и служащих сельхоза № 1 «Парижская Коммуна», состоявшемся 6 апреля 1923 года, был заслушан доклад учителя Афонина «О боге и религии». После доклада собрание постановило: «Считать несуществующего бога [так в документе], а равно и религию явлениями, выросшими и державшимися в атмосфере темноты и невежества орудиями, придуманными для одурманивания и эксплуатации [так в документе] трудящегося народа. Признать необходимой борьбу с этими пережитками времени рабства и угнетения. В подтверждение этого постановления удалить из своих квартир имеющие отношение к религии предметы и изображения: иконы и пр.; и ходатайствовать через свой профсоюз пред рабоче-крестьянской властью о закрытии церквей, синагог, костелов и пр. очагов и аппаратов, препятствующих свободному развитию человеческой мысли и знания» [10, д. 244, л. 132].

Отмена выходного дня. В марте 1923 года, одновременно с подготовкой к комсомольской пасхе, началась кампания за отмену воскресенья как выходного дня. По мысли вождей молодой советской республики, в этот день ни рабочие, ни служащие никак не должны были оказаться на воскресном богослужении. 27 марта 1923 года на заседании Шахтинского уездного исполнительного комитета было принято постановление закрытого заседания Бюро укома от 23 марта 1923 года о проведении кампании за отмену празднования воскресного дня и установления днем отдыха понедельника. Исполком постановил «дать директивы всем членам КП(б)У, стоящим во главе зав. отделов провести собрания между служащими о перенесении дня отдыха вместо воскресенья на понедельник» [14, д. 38, л. 9]. Интересно «мнение» общего собрания рабочих, созванного рудкомом 30 марта 1923 года, где среди ряда других вопросов стоял вопрос о перемене дня отдыха: «По этому вопросу докладчик широко осветил значение этого вопроса, а также указал, почему мы праздновали до сего времени воскресенье, и почему мы, рабочие, должны установить свой день отдыха и т.д. После которого выступили еще два рабочих, которые также говорили за отмену дня отдыха, подчеркивая, что с церкви, как с Константиновской и Новочеркасской и вообще с церковью, попы и белогвардейцы стреляли с пулеметов в рабочих и т.д. После ряда высказываний товарищами была принята следующая резолюция: “Мы, рабочие... отказываемся навсегда от предназначенного религиозного праздника воскресения и отныне считаем свой рабочий день отдыха понедельник и просим Союз горняков принять меры перед соответствующими органами города, закрыть все церкви и другие религиозные культы в нашем рабочем городе”. Резолюция была принята единогласно при двух воздержавшихся» [Там же, д. 40, л. 34 – 34 об.].

Антирелигиозные акции 1923 года явились прямым продолжением кампании 1922 года по изъятию церковных ценностей. Власти решили нанести идеологический удар по наиболее распространённым массовым всенародным религиозным праздникам. Дело началось, как обычно, со «штурмовщины» - массового глумления в виде карнавальных шествий, с привлечением элементов бесовщины, массовым сжиганием икон и полной отмены или перенесением событий, которые ассоциировались с религиозными праздниками (воскресенье). Если изъятие церковных ценностей было воспринято народом как мера борьбы с голодом, то посягательство на духовную жизнь встретило в подавляющем большинстве пассивное сопротивление. Поэтому власти были вынуждены перейти от штурмовщины к планомерной, рассчитанной на длительный период антирелигиозной работе. Судя по изменениям в антирелигиозной политике, у власти не было чёткого плана борьбы, власть действовала «наощупь», маневрируя, меняя направления активности в зависимости от результатов проводимой политики или от изменения ситуации в стране.

Список литературы

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-2287. Оп. 1.
2. Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го - конец 1930-х годов). Волгоград, 1997. 367 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О религии. М.: Политиздат, 1983. 368 с.
4. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941: документы и фотоматериалы. М.: Изд-во Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. 352 с.
5. Слезин А. А. Антирелигиозные политсуды 1920-х годов как фактор эволюции общественного правосознания // Право и политика. 2009. № 5. С. 1156-1159.
6. Слезин А. А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 82-91.
7. Слезин А. А. Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи в начале 1920-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2. С. 92-98.
8. Слезин А. А. Политический контроль среди молодежи 1920-х годов: победы на «фронте повседневности» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3. Ч. 2. С. 179-184.
9. Слезин А. А. Реализация комсомолом государственной функции политического контроля в духовной сфере (1923-1926 гг.) // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2009. № 1. С. 62-73.
10. Таганрогский филиал ГАРО (ТФ ГАРО). Ф. 413. Оп. 1.
11. Тендит К. Н. Православная и советская культуры: точки сопряжения культовых традиций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 3. С. 166-175.
12. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 6. Оп. 1.
13. ЦДНИРО. Ф. 104. Оп. 1.
14. ЦДНИРО. Ф. 118. Оп. 1.
15. ЦДНИРО. Ф. 209. Оп. 1.

ANTI-CHURCH ACTIONS OF 1923 WITHIN DON REGION

Lyudmila Viktorovna Tabunshchikova, Ph. D. in History

Alla Valer'evna Shadrina

Department of Native History

Pedagogical Institute of South Federal University

puma19776@mail.ru; bergson@yandex.ru

The authors consider the content of the anti-church actions carried out by Bolsheviks in the struggle against Church, show their specificity in 1923, which marked a new stage in this struggle, pay special attention to the authorities' efforts in the struggle against religious holidays - the arrangement of anti-religious carnivals, processions and theatricalized performances, the cancellation of Sunday as a day off, and basing on the wide range of archival sources reveal the features of this policy implementation within Don region.

Key words and phrases: Church; anti-religious propaganda; anti-Christmas campaign; religious holidays; cancellation of Sunday as a day off; carnival processions; burning of icons.

УДК 322

Политология

Статья раскрывает основные причины возросшего научного интереса к цивилизационному подходу в политологических исследованиях. Автор показывает, что современные процессы глобализации обострили угрозы, которые часто ассоциируются с этноконфессиональной проблематикой. Цивилизационный подход рассматривается как методологическое поле анализа возникающих этнических угроз при выработке моделей и форм государственной религиозной политики.

Ключевые слова и фразы: цивилизационный подход; религия; политика; этнокультурная идентичность; вызовы глобализации.

Жан Петрович Таранюк

Кафедра международных отношений

Сибирский институт международных отношений и регионоведения

janiki@mail.ru

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ
РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ[©]**

Цивилизационный подход в изучении государственно-конфессиональных отношений развился на стыке социологических и политологических исследований роли религии в обществе. О том, что религия обладает свойствами культурного и национального идентификатора, известно давно. Однако современные геополитические трансформации и тенденции в мире возродили вновь телеологический интерес к религии с позиции ее цивилизационной значимости.

Вызовы глобализирующегося мира, объединяющего и стандартизирующего всё и вся, поставили под угрозу сохранение уникальности этнических общностей. Размывание национальных границ не только в территориальном, но, прежде всего, в социокультурном измерении обострило поиск объединяющего начала, способного сохранить этнические и национальные общности. В этой связи интерес политики к религии вызван ее внутренним потенциалом национальной скрепы. Религия обладает исторической инерцией. Она гораздо менее подвержена влиянию модернизации, чем другие общественные формации. М. П. Мчедлов отмечал: «Есть базовые ценности, долговременные факторы, которые на протяжении длительного исторического времени неизменны, они свойственны многим поколениям данной общности, выступая не только важнейшими, но и стабильными показателями их идентификации» [6, с. 16]. Именно в такой роли рассматривает религию теория цивилизаций.

Современное общество, и в том числе политическое, обращается к религии не как источнику веры или смысла бытия, но как общественно-политическому инструментарию, противоядию разрушительным угрозам глобализации и модернизации. «Из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, наиболее важным, однако, является религия», - замечал известный идеолог теории цивилизаций С. Ханнингтон [10, с. 48]. Поэтому «зримое возвращение религии в публичную политику» [7, с. 144] в последнее время обусловлено не внутренними проблемами или потребностями религии, но политическими вызовами. Другими словами, в этой ситуации не столько политика нужна религии, сколько религия оказалась полезна политике.